

Цифровая трансформация права

Карцхия А. А.¹

Ключевые слова: цифровизация права, объекты гражданского права, принципы права, интеллектуальные права, защита интеллектуальных прав, цифровые технологии права.

Аннотация.

Современные цифровые технологии создают технологический фундамент «цифровой экономики», новых социальных и общественных отношений. Различное использование современных цифровых технологий породило процессы революционных преобразований в современном обществе — так называемую «цифровую революцию», «цифровую» трансформацию, которая выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека, включая право. Развитие процессов трансформации выявляет объективную потребность адаптации правового механизма регулирования, в том числе, реализации и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. В настоящей статье автор анализирует формы использования цифровых технологий и их возможности в защите прав интеллектуальной собственности.

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-1-25-29](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-1-25-29)

Цифровые технологии создают новую реальность (в частности, «цифровую экономику» [1], цифровое киберпространство), отличную от того физического мира в котором мы живем. Цифровые технологии формируют новую технологическую среду, в которой действует такой социальный феномен, как право. Более того, цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптировать правовые институты, в том числе институты гражданского права.

Формирование принципиально новой технологической среды на базе современных цифровых технологий оказывает существенное влияние на экономику, политику и социальные процессы, на структуру и содержание общественных отношений современного мира. Влияние современной технологической революции («цифровой революции») распространилось и на систему права, как на национальном, так и на международном уровне.

Технологические платформы на принципах распределенного реестра (blockchain и др.), Интернет вещей (Internet of Things), искусственный интеллект и машинное обучение (artificial intelligence), облачные сервисы и вычисления (cloud computing), «умные» комплексы и устройства (Smart Everything), аналитические базы больших данных (Big Data), виртуальная и дополненная реальность (augmented & additive reality), условия кибербезопасности (cybersecurity), а также социальные сети и платформы (Telegram, Facebook, VK), электронные

сервисы, которые применяются в самых разнообразных областях человеческой деятельности — всё это создало новые условия, новый «технологический базис» для изменения традиционных правовых институтов и их адаптации к новым реалиям новой технологической «среды обитания» человечества — цифровой экосистемы [2].

Формируются новые практические инструменты социального и производственного характера, можно сказать — новый вид производительных сил наряду с трудом и капиталом: искусственный интеллект и автономные роботы, технологические платформы на основе распределенного реестра, компьютерные облачные вычисления и сервисы, разнообразные «умные» устройства и др. Формируется новая среда виртуального общения людей и машин в виде социальных сетей и технологических платформ.

Под «цифровизацией» правоотношений автор понимает расширяющееся использование современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека. В свою очередь, цифровизация как фактор динамического развития привела к созданию и стремительному развитию «цифровой экономики», формированию институтов «цифрового» права, новой конфигурации социальных отношений на базе использования социальных сетей и интернета. Цифровизация различных сфер деятельности подразумевает, с точки зрения автора, не столько современные формы и способы сбора, хранения, обработки и передачи любой информации в цифровом формате, сколько способы, при-

¹ Карцхия Александр Амиранович, кандидат юридических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: arhz50@mail.ru

емы и формы, иными словами, *технологии* цифрового регулирования процессов жизненного цикла в экономике, политике, праве, в коммерческих и предпринимательских отношениях.

В настоящее время формируется потребность создания самостоятельного неоклассического правового направления, использующего не только классические институты и правовые конструкции частного или публичного права. Речь идет, по сути, о «форматировании» в самой ближайшей перспективе цифрового права в широком правовом смысле, не ограниченного классической цивилистической, частно-правовой доктриной.

По мнению автора, логика развития правоотношений с использованием цифровых технологий может быть использована для формирования концепции (доктрины) цифрового права как формы выражения правового регулирования с использованием цифровых технологий, в так называемом «цифровом киберпространстве», несмотря на то, что предложенная в Законопроекте концепция изменений Гражданского кодекса РФ не нашла поддержки научного сообщества сама по себе, не обладает логической стройностью и по концептуальным причинам².

В этом смысле, по мнению автора, может быть сформулирована модель правового регулирования на базе цифровых технологий — **модель цифрового права**.

В развитии логики такого подхода выявляется, по мнению автора настоящего исследования, объективная потребность создания самостоятельного неоклассического правового направления, использующего не только традиционные, классические институты и правовые конструкции частного или публичного права. Речь идет, по сути, об адаптации («форматировании») в самой ближайшей перспективе классического гражданского права для применения новых цифровых технологий в правовом регулировании, т. е. создание цифрового права в широком правовом смысле, не ограниченного классической частно-правовой доктриной. Это подтверждается отсылками в законопроекте к специальным законам, определяющим порядок создания цифровых прав, сферы их использования и особенности оборота. Вместе с тем, это не предполагает внесение понятий «цифровых прав» в существующую систему кодификационного законодательства — Гражданский кодекс РФ.

При формировании цифрового права как самостоятельного направления правового регулирования оправдан подход с позиции цифровой системы — разновидности информационной системы. При этом цифровое право представляет собой развитие современной системы права при развитии системы правовых норм различной отраслевой принадлежности, но объединяемых предметом регулирования отношений в киберпространстве, которые не являются общественными отношениями

² Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона №424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (авторство С.А. Сарбаша). [Электронный ресурс]:

<http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf>

ми и носят характер цифрового взаимодействия между субъектами виртуального (цифрового) пространства — киберпространства. В то же время, система цифрового права не ограничена рамками информационной системы, как её определяет Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 21.07.2006 г. № 149-ФЗ. В частности, в п.3 ст.2 Федерального закона «Об информации» информационная система определяется как «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

Цифровое право в объективном смысле представляет собой структуру нормативных правовых актов (включая международные договоры) и акты локального действия в технологических платформах. В субъективном смысле — это цифровые права на объекты цифрового оборота (криптовалюты, токены и др.), обладающие объявленной или действительной экономической ценностью, признаваемые законом и основанные на принципах создания и действия технологических платформ распределенного реестра или иных цифровых технологий (технологии искусственного интеллекта, технологии виртуальной или дополненной реальности, технологии криптографии и др.).

Принципиально важным является вопрос: должны ли традиционные правовые доктрины, построенные на принципах существования физического мироздания, применяться к виртуальным реалиям дополненной реальности или цифрового взаимодействия в виртуальном пространстве. Опыт последних лет по регулированию отношений в сети Интернет, пользовательских и предпринимательских взаимодействий в цифровом пространстве новых технологий, самостоятельность искусственного интеллекта и нейрокомпьютерных сетей свидетельствует о появлении множества правовых проблем, которые решаются путем проб и ошибок, часто без применения классических правовых доктрин. Робот с искусственным интеллектом как субъект права, применение принципов ответственности при нарушении имущественных и неимущественных прав владельцев аватаров или реальных физических лиц, наконец, способы реализации и защиты субъективных прав в виртуальном мире — эти и другие вопросы заявляют о себе все отчетливее по мере усложнения взаимодействия реального физического мира с виртуальным.

Развитие цифрового права связано с возможностью идентификации и аутентификации участников цифрового оборота не только на основе ныне применяемой электронно-цифровой подписи, но и предоставления уникального идентификатора (ID-номера) каждому физическому или юридическому лицу, а также в перспективе — роботу с искусственным интеллектом в случае признания его в установленном законом порядке «электронным лицом».

Как самостоятельный институт формируется так называемый «виртуальный двойник» гражданина, физического лица, аутентификация которого в цифровом, виртуальном обороте осуществляется на основе соответствующей цифровой идентификации (индивидуаль-

ная идентификация) посредством фиксации и последующего использования в цифровом обороте соответствующего индивидуального кода.

Часто разрыв между реальным и цифровым миром не дает нам использовать всю доступную информацию, производимую множеством «умных» устройств по всему миру. Для преодоления этого разрыва и в целях более полной реализации человеческого потенциала применяются технологии дополненной реальности (augmented reality, AR). Новая цифровая реальность уже сегодня проявляется в широком применении высокоскоростного индустриального Интернета (Internet of Things), интегрированных промышленных сетей и искусственного интеллекта, применении сервисов автоматической идентификации, сбора и обработки глобальных баз данных (Big Data), облачных сервисов и вычислений (cloud computing), «умных» робототехнических комплексов (Smart Everything), в развитии социальных сетей, разнообразных IT-платформ и сервисов в цифровой среде.

Современное понятие технологии представляет собой комплекс технических решений, который, как правило, включает не только защищенные патентами результаты интеллектуальной деятельности и весь необходимый комплекс технической и разрешительной документации (сертификаты производства и качества), но и секреты производства (ноу-хау), технологический опыт практического применения технологии, квалификацию персонала. В совокупности все эти элементы обеспечивают производство изделий определенным способом или оказание услуг с заданными качественными и количественными характеристиками для получения нового (усовершенствованного) технологичного продукта, позволяющего успешно конкурировать и даже лидировать на соответствующем рынке.

Цифровые технологии в оценке качества нормативных правовых актов применяются с использованием математического программного обеспечения и других средств автоматизации («юрисметрия») [3], базирующихся на технологиях формализации и автоматизации правовых процедур с использованием принципов нечеткой математической логики. В этой сфере заложены определенные технологические возможности автоматизации и цифровизации (использование цифровых технологий для получения, обработки, анализа и выдачи конечного результата в виде оценки или прогноза) для прогнозирования качества принимаемых нормативных правовых актов, выбора оптимальных правовых решений, а также оценки эффективности правового воздействия (регулирования) с анализом и обобщением опросов общественного мнения, заключений экспертов, правоприменительной практики и др. Аналогичные примеры есть за рубежом: оценка решений Верховного Суда США с использованием технологии искусственно-го интеллекта Dr. Watson.

Робототехнические устройства с искусственным интеллектом для полноценного участия в цифровом обороте должны наделяться правами и обязанностями в силу признания их законом «электронным лицом» как юридическая фикция подобно правовой конструкции юридического лица, т. е. субъектом цифровых имуще-

ственных правоотношений. Праводеспособность такого электронного лица имеет ограниченный характер и определяется в зависимости от комплекса функционала и перечня действий, имеющих юридическое значение, которыми наделяется это лицо в силу закона. Предполагается создание специальных государственных публичных реестров электронных лиц, где указываются объем праводеспособности и пределы ответственности такого лица в зависимости от функционала. Деликтоспособность: возмещение возможного ущерба и убытков электронным лицом осуществляется за счет средств, полученных за предоставленные услуги или выполненные работы и аккумулируемые на специальных банковских счетах. Первоначальный капитал создается за счет учредителей электронного лица (по типу учредителей юридического лица).

Проблемы правового режима объектов интеллектуальной собственности, созданных искусственным интеллектом, защита прав на такие объекты, патентоспособность созданных на основе искусственного интеллекта технологий, защита прав инвесторов при создании таких технологий подлежат разрешению, по мнению автора, посредством введения юридической конструкции искусственного интеллекта на принципах построения юридического лица.

Цифровой оборот цифровых прав или цифровых активов сходен по своему правовому механизму с оборотом исключительных (имущественных) интеллектуальных прав в сфере интеллектуальной собственности. Имущественная, стоимостная оценка исключительного права, определяемая степенью ценности, значимости для товарного производства и потребления высокотехнологичной современной продукции, в которой использованы результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, определяет ценность, стоимость исключительных прав как нематериальных, стоимостных активов. Товарная оценка интеллектуальных прав в современном мире переносит акцент с их значения как нематериальных благ на стоимостную, имущественную оценку как нематериальных активов. При этом имущественный оборот таких «интеллектуальных активов» подчиняется принципам спроса и предложения, принципам товарно-денежного оборота. Примером современной тенденции придания характера товара нематериальным благам может служить овеществление личных неимущественных прав — права на личный имидж (право на изображение), которое предполагает стоимостную оценку личности человека, его имиджа, формируемого за счет объединения внешних данных лица и персональных особенностей известной личности, используемых в рекламных и иных коммерческих целях, например — использование имиджа известных актеров, спортсменов, общественных деятелей в дорогостоящей коммерческой или политической рекламе.

Преимущественная товарная оценка «интеллектуальных активов» во многом предопределяется процессами общемировой глобализации как в научно-технической деятельности по созданию результатов интеллектуальной деятельности, так и в сфере имущественного,

коммерческого, экономического оборота прав на такие результаты, особенно в сфере новых технологий.

Не случайно поэтому трансфер технологий стал одним из секторов стремительно развивающегося рынка интеллектуальной собственности. Развитие франчайзинга, трансграничных лицензионных соглашений, создание крупных комплексных пулов (патенты, товарные знаки, ноу-хау и др.) транснациональными корпорациями в совокупности с высокой мобильностью финансового и интеллектуального капитала, развитием IT технологий и Интернета создали новую технологическую и коммерческую среду в том числе и для широкого использования интеллектуальной собственности (как нематериальных активов имущественных, исключительных прав) в товарно-денежных отношениях.

В связи с этим, автор предлагает концептуальный подход к определению цифровых прав как цифровых активов, имеющих потенциальную или действительную экономическую (коммерческую) ценность.

Цифровое право как новая форма реализации правовой регуляторной деятельности, включающей не только национальное регулирование, но и международные договоры (соглашения) по вопросам киберрегулирования в различных областях: от признания цифровых имущественных прав в цифровом имущественном обороте до правил и норм о кибербезопасности и уголовной ответственности, защиты частной жизни и личных данных (персональных и биометрических), регулирования трансграничных сделок (цифровых транзакций) и реализации социальных и культурных прав на базе технологических платформ, а также порядок и условия предоставления государственных услуг и в перспективе участие в государственном управлении посредством установления правоотношений граждан и государства посредством технологических платформ — формирование «электронного правительства», «электронного государства».

Вопросы юрисдикции подлежат разрешению на основе соглашения или месту официального совершения юридически значимых действий. Унификация национального законодательства (базовых принципов) в сфере цифрового права для единообразного применения по опыту правового регулирования прав интеллектуальной собственности.

Успешное создание, распространение и эффективное практическое применение передовых технологий невозможно без использования правовых моделей передачи (трансфера) и распространения новейших результатов интеллектуальной деятельности. В инновационном процессе механизм, стимулирующий создание и передачу новых технологий, служит ключевым фактором устойчивого развития в период современной технологической революции.

По сути, с точки зрения права технология представляет собой интегрированный объект, объединяющий интеллектуальные права как на охраняемые объекты (изобретения, программы ЭВМ и базы данных, ноу-хау, товарные знаки и др.), так и технические знания, умения, навыки и иные конкурентные преимуще-

ства, вытекающие из обладания технологией (сравнимо с goodwill).

В силу этого предлагается разработать проект модельного закона о цифровом гражданском обороте, в котором изложить основные понятия и принципы такого оборота, объекты и субъекты оборота и их правовой, основные виды цифровых транзакций (сделок) и правовые конструкции (смарт-контракт, цифровое право, цифровые обязательства, виды объектов прав, цифровая технологическая платформа, виды цифрового имущества, правила аутентификации и др.).

С точки зрения автора, заимствование европейской доктрины особой имущественной ценности *sui generis* [4] для регулирования новых цифровых объектов и их гражданского оборота является более предпочтительным, нежели применение принятого в странах общего права разделения имущества (property) на недвижимое имущество, вещи (chose in possession) и права (chose in action), независимо от их документальной или бездокументарной формы.

В качестве итога. В настоящее время, по мнению автора, активно идет процесс «цифровизации права», или, по [5], интеллектология права — т. е. использование математических методов и новых цифровых технологий в целях оптимизации процессов и правоотношений, а также процедур создания новой цифровой реальности, которая также требует правового регулирования или присутствия уполномоченного государством органа-регулятора. Цифровая «реальность» формирует поведение человека, нормы социальных отношений, начинает создавать «цифровое» право и правосознание.

Тем не менее, в условиях цифровой экономики и информационного общества следует признать необходимость нового взгляда на правовые институты в эпоху информационного общества и цифровых технологий, последовательной адаптации традиционных правовых механизмов к новым реалиям. Центральным звеном в процессе адаптации правового регулирования будет являться институт интеллектуальной собственности.

Цифровое пространство и кибер-физические системы определяют новые вызовы для института интеллектуальной собственности. Новая реальность киберпространства и киберуслуг среди прочих проблем акцентирует внимание на вопросах безопасности использования интеллектуальной собственности для всех участников гражданского оборота, включая самих правообладателей. Создание построенных по принципу комплексных технологий сложных объектов (искусственный интеллект, аналитические структуры на основе Big Data, самоуправляемые системы по типу Smart Everything и т.д.) формирует запрос на расширение перечня охраноспособных объектов интеллектуальной собственности, изменение способов правовой охраны в цифровом пространстве, создание сегмента цифровых услуг как разновидности объектов интеллектуальной собственности, создание «киберсобственности» (права на виртуальные объекты цифрового пространства).

Литература

1. Гущина Е.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Обеспечение информационно-технологического суверенитета государства в условиях развития цифровой экономики // Право.ру. 2018. № 6. С. 59—63.
2. Карцхия А.А. Цифровые технологии — правовой аспект // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 10. С. 17—26.
3. Белов В.М., Зырянова Е.В., Косов Д.Л. Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматической системы оценки качества нормативных правовых актов // Государство и право. 2017. № 10. С. 105—110.
4. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут. 2017. С.35-36.
5. Мацкевич И.М. Геометрия уголовного закона // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 9-22.

Рецензент: *Ловцов Дмитрий Анатольевич*, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель по научной работе директора Института точной механики и вычислительной техники им. С. А. Лебедева РАН, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия. Москва, Россия.
E-mail: dal-1206@mail.ru

